

К. Ю. Ерусалимский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. kerusalimski@mail.ru

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО И СТЕФАНА БАТОРИЯ (1576–1584 гг.): ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ, ДАТИРОВКИ И ТЕКСТОЛОГИИ ПОСЛАНИЙ

Текстологическое исследование рукописной традиции в общей сложности 115 дипломатических посланий переписки между Российским государством и Речью Посполитой за середину 1576 – начало 1584 г. показало, что подавляющее большинство посланий из этой переписки требует реконструкции на основе не только записных книг Посольского приказа и Литовской Метрики, но и сборников XVII–XIX вв., *silva rerum*, разрядных книг, списков из архивных собраний России и Европы.

Ключевые слова: Иван IV, Стефан Баторий, дипломатическая переписка, Российское царство, Речь Посполитая

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00432.

Благодарю за помощь при подготовке данной статьи минских коллег Рогнеду Олехнович, Андрея Радамана и Анастасию Скепьян, а также А. А. Бачинского, М.-А. Джонсон, С. В. Полехова, А. А. Турилова, С. Г. Яковенко, паломническую службу и библиотекаря монастыря Св. Пантелеймона на Афоне.

По количеству и объему писем в посольской переписке между Россией и Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) (Речью Посполитой) правления Ивана Грозного и Стефана Батория – один из самых обильных периодов. За время их властвования в 1576–1584 гг. известно в общей сложности 114 (или 115) посланий, начиная с послания царю от Сената Речи Посполитой от 6 июня 1576 г. и заканчивая посланием Стефана Батория от 27 января 1584 г., не считая договорных, верительных грамот при основных посланиях, внутренней посольской корреспонденции и военных универсалов¹. Из них:

Адресант – Адресату	Период	Всего	Списков нет
Сенат Речи Посполитой – Боярской думе	06.06.1576	1	
Стефан Баторий – Ивану IV	12.07.1576 – 27.01.1584	40	2 ²
Иван IV – Стефану Баторию	[--].11.1576 – (10–13).12.1583	37	
Боярская дума – Сенату Речи Посполитой	[--].11.1576	1	
Иван IV – частным лицам и городам	09.07.1577 – (12.09).1577	17	
От частных лиц – Ивану IV	20(21).08.1577 – (15.09).1579	3	

¹ Открыт вопрос о датировке Второго послания А. М. Курбского Ивану IV. Возможно его редактирование (как и Первое послания) уже в период правления Стефана Батория, однако Первое и Второе послания Курбского здесь не учитываются. Форму грамоты имело обращение Стефана Батория к населению России во время Полоцкого похода в августе 1579 г. и составленный при вероятном участии Ивана IV ответ на этот универсал [Флоря, 1973]. Однако нельзя исключать, что грамоты подобного содержания рассылались королем Стефаном и его полководцами и во время других походов, тогда как о пересылке и бытовании ответных грамот ничего не известно. Все названные послания здесь нами не учитываются. При этом включены в исследование основная в возвратной миссии Льва Стремоухова «опасная» грамота Стефана Батория от 10 января 1580 г., верительная Ивана IV на посольство под Ям Запольский от декабря 1581 г. и «моц» Стефана Батория на свое посольство в Москву от 2 апреля 1582 г.

² Послания, датируемые между 9 и 18 сентября 1580 г. (Опись архива Посольского приказа 1626 года (далее – ОАПП) / Подгот. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 96 (Л. 118–118 об.)), между 9 сентября и концом сентября 1580 г. (ОАПП. С. 96 (Л. 117 об.–118)).

Боярская дума – частным лицам (послам)	28.08.1577	1	
От частных лиц – гарнизону крепости	07.09.1577	1	
Боярская дума – Панам раде ВКЛ	26.10.1579 – [--].07.1582	6	(1) ³
Панове рада ВКЛ – Боярской думе	16.01.1580 – 18.03.1582	5	1 ⁴
Архимандрит Киевской лавры – Ивану IV	16.03.1583	1	
Иван IV – архимандриту Киевской лавры	(01–30.09).1583	1	

Иван IV не признал власти нового польского монарха, и переписка с Великим княжеством Литовским уже в 1576 г. отразила взаимное недоверие между Москвой и Варшавой. Об этом говорят тринитарное *invocatio* в послании Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г., принятое в Посольском приказе для корреспонденции только со Священной Римской империей, а также ответные «речи» царя начала 1576 г. имперским посланникам. Царь опирался на решение Варшавского сейма декабря 1575 г. об избрании на троны Речи Посполитой императора Максимилиана II Габсбурга и уже в начале 1576 г. вел с ним переговоры о мире и границах. Права короля Стефана Батория на власть в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и его «братство» с российским монархом в Москве признали не сразу, но и, приняв его взамен Габсбургов, видели в нем более узурпатора, чем законного правителя [Зимин, с. 51–52; Флоря, 2009, с. 372–373, 386–388; Филюшкин, с. 161–171, 178–191]. В то же время польско-литовская дипломатия строилась с начала 1547 г. на игнорировании царского титула Ивана IV, хотя в этом правиле возник ряд краткосрочных исключений в 1567–1569 гг., вызванных дипломатическими маневрами Сигизмунда II Августа и Панов рады Великого княжества Литовского в канун объединительного сейма [Ерусалимский, Полехов]. Другие титульные претензии Москвы в Кракове, Вильно и Варшаве также условно и временно допускали, тогда как прямые выпады в адрес титула царя звучали только со стороны перебежчика Андрея Курбского и едва ли не единожды – со стороны Стефана Батория.

Эпистолярная дуэль развилась в ответ на военный поход и послания царя лета – осени 1577 г. и не закончилась на огромных по объему письмах 1581 г. Царь так и не ответил посольской грамотой на послание короля от 2 августа 1581 г. – высказав Антонию Поссевино постатейный ответ противнику, уже стоящему войском под Псковом. Этот этап царской дипломатии был важным аккордом в разразившейся борьбе, демонстрируя противнику готовность к войне, но он же сыграл и другую роль: своей перепиской царь скреплял унию Короны и Литвы. Адресатами посланий часто выступали одновременно король и Панове рада Речи Посполитой.

Межгосударственная переписка уже не впервые получила распространение как памятник пропаганды [Janicki]. В Москве – прежде всего, в частных разрядных книгах. В Речи Посполитой и Европе – в составе шляхетских подборок (*silva rerum*), восходящих к однообразным сборникам с перепиской Ивана Грозного и Стефана Батория. Эти сборники были созданы с согласия королевской и литовской канцелярий, а отдельные послания, как показывают дневники Великолуцкого похода Лукаша Дзялынского и Псковского похода Яна Петровского пользовались популярностью среди шляхты и зачитывались публично (одновременно на русском, латыни и польском языках).

Отношение царя в конце 70-х и начале 80-х гг. XVI в. к унии Короны и Литвы не поменялось. Однако новшеством стал выход на поверхность двойной адресации Москвы

³ Возможно, было отправлено послание от сентября 1581 г. (см.: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира. (1581–1582 г.) / Изд. М. О. Коялович. СПб., 1867. С. 92 (28 сентября 1581 г.)).

⁴ Послание Яна Глебовича Н. Р. Захарьину от 18 января 1582 г. (ОАПП. С. 102 (Л. 129)).

в Великом княжестве Литовском. Переписка велась не только с королем, но и с Панами радой и отдельными сенаторами. На всем протяжении изучаемого периода Боярская дума сохраняла статус основного контрагента Панов рады, однако официальная дипломатия отразила в полной мере царский запал в эпистолярном противостоянии. В отличие от Стефана Батория, который, согласно известным сегодня источникам, ни разу не обращался к подданным московского правителя с посланиями, Иван IV делал это не менее 17 раз, что составляет почти 15 % от всей дипломатической переписки России с Речью Посполитой за 1576–1584 гг.

Важнейшая тема переписки – права на власть, земли и титулы. Одно из первых писем, направленных от имени Боярской думы в ноябре 1576 г., содержит царский титул. Бояре требовали в числе прочего писать титул их государя полностью. В ответ на это царский титул Ивана IV был исключен из данного текста уже в протографе канцелярских копий посольской метрики Великого княжества Литовского, хотя в списке того же послания из Архива Радзивиллов (ныне в коллекции Игнатия Онацевича из ИРЛИ РАН) он не устранился. При этом казанский и астраханский царские титулы в литовских списках послания из России сохранены⁵. Эта стратегия была намечена в отношениях с Москвой в начале 1569 г. и сохраняла силу еще во время переговоров под Ямом Запольским на рубеже 1581–1582 гг. А. М. Курбский в Третьем послании иронизировал над долгим титулом царя, но не исключил этот титул из своего письма. Впрочем, острота его выпада заключалась в том, что в посланном одновременно с его письмом послании Стефана Батория царского титула в обращении к Ивану Васильевичу не было. В послании 1580 г., сохранившемся в оригинале, Баторий называет московского монарха «господарем своея Руси»⁶. Это был открытый дипломатический демарш, хотя в Москве предпочли не обращать на него внимания в ответном послании. Король же и после войны отказывался считать Ивана IV государем «всея Руси», ограничивая свои обещания титулом «царя русского» – в случае передачи Ливонии, Смоленской и Северской земель Речи Посполитой [Савва, с. 191–192]. Впрочем, соглашение так и не было заключено.

Впервые именно в переписке за эти годы состоялась полемика между Москвой и Варшавой о правах на римское наследство. Глубина древности в споре за Ливонию, Литву и Русскую землю выросла в 1578–1579 гг., когда царь на фоне предварительного соглашения с императором Рудольфом II о совместных военных действиях против Стефана Батория уже не впервые в дипломатии открыто заявил о своем происхождении от Пруса, будто бы брата Октавиана Августа. Коронная канцелярия и интеллектуалы Короны и Литвы приложили усилия, чтобы развеять этот миф, и, возможно, царь продолжил бы полемику, переведя атаку на ренессансные мифы эпических основателей Короны и Литвы. Закончить спор не удалось. Устный полуофициальный ответ Ивана IV на развенчание московских «басней», переданный в лагерь под Псковом с Антонио Поссевино в сентябре 1581 г., свидетельствовал о том, что желание развивать словесную борьбу у царя пропало.

О том, насколько далеко могли завести Москву исторические экскурсы, говорят два факта в изменившейся конъюнктуре. Посольство от Стефана Батория еще в январе 1578 г. на фоне

⁵ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. № 10. Л. 259 об.; Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1 (далее – ЛМ- и номер дела). № 591. Л. 393; № 592. Л. 6 об. (Боярская дума – Панами раде. Москва, ноябрь 1576 г.); ИРЛИ РАН. Древлехранилище. Оп. 50 (Коллекция Игнатия Онацевича). Папка 8. № 17. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 4. Л. 1. Данное чтение содержится не только в основном тексте, но и в адресе письма: Там же. Л. 1 об. («Великому государю князю Ивану Васильевичу своея Руси...»). Переписчик из канцелярии Великого княжества Литовского не уловил значимую перестановку букв и передал чтение привычно: «всея Руси» (ЛМ-591. Л. 460; ЛМ-592. Л. 67 об.). В польском переводе текст получил известность в более ранней версии, чем копия, отразившаяся в Литовской Метрике: «Wielkiemu Hospodarowi kniaziu Iwan Wassilowiczu swey Rusi...» (Biblioteka Kórnicka PAN. Rkps 285. K. 9v). В латинском выпад сглажен, но о «всей Руси» не говорится: «Ioanni Magno Duci Moscoviae, Russiae, D-no Vlodimiriae etc.» (Archivio Apostolico Vaticano. Segreteria di Stato. 134. Polonia 17. F. 300).

успехов царя в Ливонии и его надежд на императора услышало в качестве иносказательного унижения в адрес Стефана Батория, что предок царя Святослав Игоревич владел и землями, из которых происходил трансильванский князь, и даже Веной⁷. Это значило, что Москва при желании могла высказывать территориальные претензии и к Священной Римской империи. С другой стороны, миф Пруса нес угрозу не только ленам Короны Польской и Империи в Пруссии, но и, в силу одной только этой претензии представляющий опасность для Жмуди, содержал вызывающую неопределенность в старшинстве между Прусом и Августом, поскольку в случае старшинства Пруса грозил даже первенству Священной Римской империи в иерархии европейских монархов.

* * *

Переписка между Иваном IV и Стефаном Баторием известна, прежде всего, по архивным оригиналам, московским посольским книгам (по сношениям России с Польшей № 10–14) и полуофициальным сборникам со списками отдельных посланий, по томам Литовской Метрики, а также по разрозненным спискам из европейских древлехранилищ, нередко – в составе *silva rerum*, по большей части XVII в., восходящих к более ранним документальным подборкам (списки и переложения посланий содержатся в рукописях Библиотеки Чарторыйских № 310, 1585, 1664, в собрании Варшавской Национальной библиотеки, а также в хрониках Матея Стрыйковского и Александра Гваньини, дневниках Лукаша Дзялынського, Яна Петровского и Рейнгольда Гейденштейна).

Часть посольских материалов отразилась в документации других ведомств. Разрядные книги Пространной редакции 1605 г. сохранили в своем составе комплекс разрядных и посольских записей летнего похода 1577 г. царя на Ливонию. Другие части переписки с властями и частными лицами Речи Посполитой и Ливонии обнаруживаются в списках в составе главным образом поздних сборников посольского происхождения⁸. Всего таких грамот 24, включая два письма польско-литовским послам Станиславу Крыйскому «со товарищи» из Кокенгаузена от 28 августа (но не считая «речей», наказов и внутренней переписки). Первое в этом ряду письмо – Ивана IV князю А. И. Полубенскому от 9 июля. Закрывает этот ряд корреспонденции послание Стефана Батория от 29 сентября 1577 г., сохранившееся в оригинале и посольских списках московского происхождения⁹.

Подборка частных разрядных книг XVII в. открывается посланием Ивана Грозного Павлу Бобринскому от 16 июля 1577 г. Составителям этой редакции были известны и не дошедшие до нас в другом виде посольские материалы. Иероним Граля ввел в научный оборот польский список данного послания из Архива Радзивиллов, ныне позволяющий не только реконструировать исходную версию послания благодаря сведению польского и кириллического текстов, но и пересмотреть вопрос о действительном адресате этого письма ([Grala, s. 149–150]; см. также: [Анхимюк, с. 415–419; Петров, с. 420–422, 424–426, 427–428, 428–430]). В этой работе мы зададимся еще одним дискуссионным вопросом – соотношением списков разрядных книг. Ценность списка Радзивиллов (далее – Р) в том, что он отражает линию копирования, независимую от московской рукописной традиции, и, таким образом,

⁷ Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание. М., 1989. С. 58.

⁸ РГАДА. Ф. 197 (Акты, собранные А. Ф. Малиновским). Портф. 3. № 89; Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портфель 127. № 17; Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 (Архив Воронцовых). Оп. 1. № 645. Отдельные послания из этого же ряда известны также по спискам из Троицкого собрания и Архивского кодекса, а также Литовской Метрики № 591 и 592, которые мы рассмотрим ниже.

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 3. Л. 1 (подинник); Л. 2–3 (список XVIII в.); Ф. 79. Оп. 1. № 10. Л. 299–301 об.; ОР РГБ. Ф. 304/II (Дополнительное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 17. Л. 262–265.

может служить проверочным текстом для установления первичности списков разрядной книги. Нам известно 6 списков разряда 1577 г. с перепиской Ивана Грозного: Щукинский (Щ), Эрмитажный (Э), Погодинский (П), Оболенского (О), Милославского (М) и Афонский (А)¹⁰. Все они относятся к XVII в. Остальные списки русского текста могут быть проверены на первичность в сравнении с вариантами польского текста:¹¹

Р	Щ	Э	О	М	П	А
Nowohoroda Nizniewy ziemi	Новагорода Низовские	Новагорода Низовские	новгородский	Ногова-города ¹² Низовския земли	Новагорода Низовские земли	Новагорода Низовские земли
iaroslawskiey	ярославский	–	–	ярославски	ярославский	ярославский
a co ieszcze przykazaly k nam z lotyszem k wam list prynoszel	а то есте приказы-вали к нам с латышом, которой от нас к вам грамоту приносил	а то есте приказы-вали к нам с латышом, с которой ¹³ к вам от нас грамоту приносил	а кои есте приказ к нам лотышом, которой к вам от нас грамоту приносил	а что естя приказывал к нам латышом ¹³ которой от вас к нам грамоту приносил	а что есте приказы-вал к нам с латышем, которой от вас к нам грамоту приносил	а что естя приказы-вали к нам с латышом, которой к вам от нас грамоту приносил
kazanskiego – 25, astrachanskiego – 24	казанско-го – 24-го, астраханского – 25-го	казанско-го – 24-го, астраханского – 24-го	казанского – 24, астороханского – 24	казанско-го – 24-го, астороханского – 25-го	казанско-го – 24-го, астороханского – 25-го	казанска-го – 24-го, астраханского – 25-го

Учитывая независимость *Р* от остальных списков, архетипом во всех названных чтениях следует признать то, которое ближе всего передает вариант польского текста. Ни один из русских списков полно не передает архетип, но показательны некоторые тенденции. Слово *земли* (ср.: *ziemi*) утрачено в списках ЩЭО, но сохранилось в МПА. Следовательно, вероятен *ЩЭО, который восходит к полному тексту послания через общий протограф с МПА. Ярославский титул при этом сохранился не только в польском тексте, но и в ЩМПА – следовательно, он утрачен в *ЭО, который, таким образом, младше *ЩЭО и лишь через него восходит к протографу послания. Путаница списков в числе лет царствования Ивана IV в Казани и Астрахани говорит о том, что ошибка возникла в *ЩЭОМПА, в котором казанского правления ошибочно насчитывалось 24 года, тогда как в польском тексте более точно – «25». В случае Астрахани, однако же, *ЩМПА, указывая 25 лет царствования Ивана IV, передает архетип хуже, чем польский список и общий протограф ЭО. Нет оснований говорить о первичности *МП в варианте *которой от вас к нам грамоту приносил*, и поскольку в этих случаях *ЩЭО

¹⁰ Соответственно: ОР ГИМ. Собрание П. И. Щукина. № 496. Л. 591–592; ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 390. Л. 400–401; Собрание М. П. Погодина. № 1524. Л. 514 об.–517; РГАДА. Ф. 201 (Рукописное собрание М. А. Оболенского). Оп. 1. № 85. Л. 604–605; Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 1. № 112. Л. 373 об.–375 об.; Библиотека Русского монастыря Св. Пантелеймона на Афоне (Греция). № 37. Л. 256 об.–257. См. издание по Щукинскому списку с разночтениями по Эрмитажному и Оболенского: Разрядная книга 1475–1605 гг. / Подгот. В. И. Буганов. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 483–485.

¹¹ Буквы *но* вписаны над строкой.

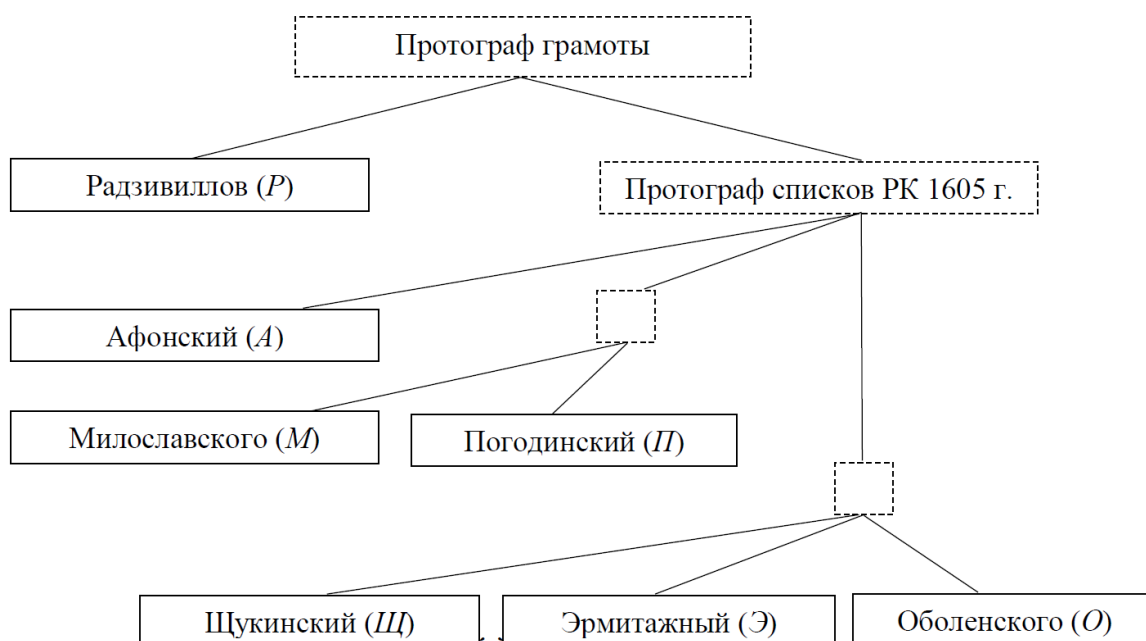
¹² Буква *т* из *р*.

¹³ Испр. на латышем.

ближе к *P*, то именно *ЩЭО здесь лучше передает исходный текст послания. Порядок слов (*c*) *которой к вам от нас* объединяет также списки ЭОА и допускает существование *ЭОА, который старше, чем установленный выше *ЭО. В таком случае чтение *которой от нас к вам* в *Щ* следовало бы считать отступлением от этого общего протографа. Впрочем, и вариант *k nam z lotyszem k wam list* не вполне соответствует всем русским спискам (а между ними нет единства в порядке слов в этом месте), и архетип послания в этом случае не вполне ясен. При этом *M* не наилучшим образом передает название Нижнего Новгорода в титуле царя. Независимое положение *P* по отношению к спискам Разрядной книги 1605 г. и родственных ей частных редакций распространяет полученную стемму и на другие послания Ивана Грозного времени Ливонского похода (см. стемму 1).

Стемма 1

Списки послания Ивана IV Павлу Бобринскому, 16 июля 1577 г.

Из 114 изучаемых посланий 54 вошли в состав посольских книг из фонда по сношениям России с Польшей (№ 10–14), которые лишь незначительно отстоят по времени от текущих дел Посольского приказа [Клосс, с. 215–226; Амосов, с. 193; Граля, Эскин]. Послание архимандрита Киево-Печерской лавры Мелентия Хребтовича и монастырской братии Ивану IV от 16 апреля 1583 г., адресованный Стефану Баторию «глейт» Ивана IV на проезд посольства вифлеемского митрополита Иоакима и московского купца Марка Самсонова (около сентября) 1583 г., а также ответ царя в Киево-Печерскую лавру (от или накануне 30 сентября) 1583 г. включены во Вторую посольскую книгу по сношениям России с Грецией¹⁴. Это неслучайное соседство Османской империи с Короной и Литвой в посольском делопроизводстве, поскольку миссии в Грецию часто проходили по владениям польских королей (еще два более ранних «глейта» внесены в Первую «греческую» книгу Посольского приказа).

¹⁴ РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. № 2. Л. 21–23, 30 об.–31 об., 42–43 об.

В ряду неофициальных или полуофициальных можно назвать послания царя, отправленные им ливонским наместникам короля и сенаторам Великого княжества Литовского во время Ливонского похода лета – осени 1577 г., а также Стефану Баторию (и Андрею Курбскому) от 1 октября 1579 г. Они не сохранились в официальном делопроизводстве ни в России, ни в Речи Посполитой, но упоминаются в посольском деле, а следовательно, имели на него определенное влияние. Близки к Посольскому приказу по своему происхождению Троицкая рукопись (из Дополнительного собрания № 17; далее – Т) и тесно связанные с ней происхождением и общим протографом Архивский сборник (РГАДА. Ф. 79. 1573 г. № 1; далее – С) и утраченный ныне, но в значительном объеме скопированный в XIX в. А. Н. Поповым сборник из Архангельской библиотеки князя Д. М. Голицына (ОР РГБ. Ф. 235 (Собрание А. Н. Попова). Папка 3. № 21; далее – Г). Эти кодексы конца XVII в. содержат отдельные послания из переписки царя с польско-литовскими и ливонскими властями и перебежчиками на королевской службе – соответственно 38, 36 и 37 посланий, хотя первоначально состав кодексов С и Г был сходен с Т. Из них ко времени правления Стефана Батория в Речи Посполитой относятся последние 33 текста [Лурье, 1993, с. 349–350]. Я. С. Лурье, изучая рукописную традицию Второго послания царя князю А. М. Курбскому, оставил открытым вопрос о первичности чтений С и Т (в номенклатуре Я. С. Лурье соответственно – Ц и Тр), отметив лишь: «Фрагмент послания, сохранившийся в Ц, имеет разночтения с Тр» [Лурье, 1993, с. 351; Лурье, 2001, с. 610]. В то же время список А. Н. Попова исследователь счел не имеющим «самостоятельного значения» для реконструкции Второго послания Ивана Грозного Курбскому [Лурье, 1993, с. 350–351]. Это, как мы увидим, неверно. Вопрос первичности чтений в списках С, Т и Г решается на примере тех посланий из подборки, которые известны не только по российским, но и по европейским спискам.

Ранний пример бытования посольских материалов отражает Музейский сборник, в котором Д. К. Уо выявил единственный сохранившийся до наших дней список послания царя Ивана Стефану Баторию от 1 октября 1579 г., отвечающего на письма Андрея Курбского (от 15 сентября) и Стефана Батория (от 16 сентября 1579 г.)¹⁵. По нашему предположению, когда мирные инициативы Боярской думы перевесили гнев царя, послание 1 октября было исключено из официальной документации и рассматривалось в одном ряду с полуофициальными текстами [Ерусалимский, 2018, с. 656–661].

Ценное подспорье для изучения посольского наследия представляет архивный комплекс Великого княжества Литовского, и прежде всего так называемая Литовская Метрика, в составе которой до нас дошли многие послания посольского обмена между Россией и правителями Короны и Литвы. Единого комплекса документации, сопоставимого с московскими посольскими книгами, в составе Метрики обнаружить не удастся. Наиболее пространные подборки кириллических посланий за период правления царя Ивана IV – книги Литовской Метрики № 591 (1545–1582 гг.) и 592 (1576–1583 гг.), изданные еще в XIX в. князем М. А. Оболенским и его коллегами. Соотношение между текстами этих двух книг в их совпадающих фрагментах сформулировано публикаторами следующим образом: «Вторая, немного позднейшая рукопись, есть копия с вышеозначенной первой и сохранилась в другом (рукописном же) собрании...»¹⁶. Это вывод не подкреплён ни одним примером и голословен.

¹⁵ ОР ГИМ. Музейское собрание. № 1551. См.: Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» / Подгот. Д. К. Уо // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 357–361; Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года / Подгот. текста Е. И. Ванеевой; пер. и коммент. Я. С. Лурье // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 164–169.

¹⁶ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского / Изд. М. П. Погодин, Д. Н. Дубенский. М., 1843. Т. 2. С. II.

Для нас открывается возможность проверить его, сопоставив оба списка с версиями московских посольских книг, в которых независимо от Литовской Метрики воспроизведены современные ей списки тех же посланий. Проверочными, а нередко существенными для установления первоначального текста могут служить также другие списки.

В качестве примера остановимся на послании Ивана IV Стефану Баторию от 21 ноября 1579 г. Помимо названных чистовых копий из документальных подборок России и Великого княжества Литовского сохранились такие его списки и переводы: список Троицкого сборника конца XVII в. (Т), немецкая версия Берлинского архива (Б) и польская из коллекции Игнатия Онацевича (О)¹⁷. Последние три версии восходят к протографу тех же посланий независимо от списков Посольской книги (П) и Литовской Метрики – и тем ценнее для установления первичности чтений, в том числе в списках из ЛМ № 591 (А) и 592 (М). Списки А и М восходят к общему протографу *АМ, в котором московские послания уже были частично переведены на местный кириллический язык. В этих списках содержатся исправления московских версий. Признаком первичности для данных литовских кириллических списков являются лучше сохранившиеся именно московские формы. А и М в текстах московских посланий передают сходные модификации московского русского языка, который сохранен в посольских книгах, но подвергся изменению в канцелярии Великого княжества Литовского еще в их общем протографе:

Отрывок (по П)	ПСТ	АМ	О
и обычаи того...	ПС: несеть Т: несете	А: неест М: несеть	nie masz
потому с тобою так и...	дѣлали	зделали	dzielali
... твои послы великие меж нас с тобою братство и добрую приязнь постаноят	П: покамѣста С: паки Т: полки	поки	dokąd
добровольно, безо всякие...	зацѣпки	зачепки	–

Близость к московским формам в обоих списках проявляется в несходных случаях, что может объясняться различными гипотезами, но только при помощи концепции общего протографа, который в полной мере не тождественен ни А, ни М. Список О, как можно предположить, не зависит от (*АМ, а во втором примере восходит независимо от них и их протографа к тексту, сходному с ПСТ, как и в ряде других примеров. Например, архетип ПСТ: *окромъ нас самих* в АМ передан дефектно с вариантом *сами*, тогда как в О явно след архетипа: *szatich*. Можно предположить, что и Б восходит к более ранней версии текста, чем (*АМ. Чтение ПСТ *и якобы* (С: *яко*; Т: *якоб*) *вам розказуючи* в АМ не содержит союза *и*, тогда как в Б данному фрагменту соответствует чтение *und auch bevolen*, то есть на месте *и* читается *und*.

Чистовая копия послания в московской посольской книге не всегда передает архетип даже тех посланий, которые были отправлены из России. В данном случае показательны сближения между СТ и остальными списками, помимо П. Например, только в П читается *под город под Полотцк*. Списки СТАМ не содержат второго предлога *под*, и это позволяет предположить, что в Великое княжество Литовское была доставлена грамота, в которой второй предлог не читался, и список со сходным текстом был доступен какое-то время и в России, где отразился

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 201 об.–209 об.; ЛМ-591. Л. 430 об.–433; ЛМ-592. Л. 40–42; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17. Л. 326–331 об.; ИРЛИ РАН. Древлехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 13. Л. 1–2 (фолиации нет); GStA PKB. НВА 719, Е5.Е. 1–4v (прочтение списка Б принадлежит С. В. Полехову). Ср.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. С. 48–51.

в (*)СТ. Такое же положение дел встречаем в чтении в *своей отчине во Пьскове* (где царь находился на 1 октября 1579 г., когда к нему направлялся гонец короля Богдан Проселок). Слов *во Пскове* нет в П, но они читаются в СТАМ. Подобные примеры показывают, что С и Т восходят к раннему московскому посольскому делопроизводству независимо от чистовых книг Посольского приказа.

Вид (*)СТ может быть уточнен за счет поздней копии Г, которая не отражает индивидуальных и явно ошибочных чтений С, но лучше Т в ряде чтений отражает *ТСГ. Прояснить соотношение чтений в С, Т и Г позволяют пять источников, имеющих для них контрольное значение (послание Панов рады царю от 29 декабря 1572 г. сохранилось также в оригинале, двух поздних списках и польском переводе в Курницкой рукописи, послание царя послам Станиславу Крыйскому от 28 августа 1577 г. – в П, царя в Ригу от 29 августа 1577 г. – в немецком переводе в списке Венского архива, послание Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г. – в А и М, послание царя Курбскому от (12) сентября 1577 г. – в двух списках из фондов РГАДА и Воронцовском списке XVIII в.). *СТГ во всех этих связках очевиден, однако Т и Г содержат общие отступления, которые говорят о необходимости *С(*ТГ)¹⁸. Этот вывод позволяет на новом уровне вернуться к вопросу о текстологии посланий в Литовской Метрике.

Списки московского делопроизводства являются внешним источником для проверки первичности А и М. Если чтение одного из этих списков ближе к П, то почти всегда это основание, чтобы предполагать первичность такого чтения. Иногда таким референтным списком служит только П:

П	А	М
<i>От Панов рад коронных и литовских Боярской думе, 6 июня 1576 г.</i>		
югорского, пермского, вятцкого (№ 10. Л. 214 об.)	югорского, пермского, вядского (Л. 90)	югорского, пермского, вятского (Л. 5 об.)
а незмирно своего Бозского милосердя	а незмерного своего Бозского милосердя	а незмерного своего Бозского милосердя
<i>От Ивана IV Стефану Баторию, ноябрь 1576 г.</i>		
и дворянина своего Юрья Кгороденского да Льва Буховицкого (№ 10. Л. 243)	и дворянина своего Юрья Кгруденьского да Льва Буховецкого (Л. 401)	и дворянина своего Юрья Кгороденского да Льва Буховецкого (Л. 10)
даеш и воздавати хочеш (№ 10. Л. 243 об.)	даеш и воздавати хочеш	даеш и вздавати хочеш
достаточне выслушали и вразумѣли (№ 10. Л. 244 об.)	достаточне выслушали и вырозумели	достаточне выслушали и вырозумели
<i>От Боярской думы Панам радам коронным и литовским, ноябрь 1576 г.</i>		
Григорью Воловичу воеводе смолинскому, старосте мирицкому, довкговскому, державце ейшишскому в Ораньске, коневскому и дубицкому (№ 10. Л. 261)	Григорю Воловичу воеводе смоленскому, старосте мирицкому, державце ейшишскому, вораньскому, коневскому и дубицкому (Л. 393)	Григорю Воловичу воеводе смоленскому, старосте мерецкому, державцы ейшишскому, воранскому, коневскому и дубицкому (Л. об.)
<i>От Стефана Батория Ивану IV, 17 марта 1582 г.</i>		
велебного отца Посевинуса (№ 14. Л. 87)	велебного отца Пасовинуса (Л. 608)	велебного отца Пасовина (Л. 223)
<i>От Ивана IV Стефану Баторию, март 1582 г.</i>		

¹⁸ См. ниже анализ послания Ивана IV Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г.

на новгородские мѣста (№ 14. Л. 75 об.)	на Новѣгородѣ мѣста (Л. 619 об.)	на новгородские места (Л. 238)
--	----------------------------------	-----------------------------------

Титульное определение *вятицкого* (то есть вятского) лучше передано в М, который в данном случае ближе к протографу. Зато чтение *воздавати* – в А. Показательно для выводов о месте обоих списков по отношению к неизвестному ныне оригиналу послания чтение *выслушали и вразумѣли*. В П оно, вполне вероятно, отражает чтение грамоты. В чтении АМ: *вырзумели* виден их общий протограф, ушедший в одном направлении от московского списка. При этом М лучше передает вид этого протографа, содержа чтение *выслушали*, измененное в А в *выслушали*. Упоминание в списках послов короля в письме Ивана Грозного от ноября 1576 г. содержит одновременно и след общего протографа АМ: *Буховецкого* (и этот протограф отстает от оригинала, чтение которого передано в П: *Буховицково*), и признак лучшей передачи оригинала послания в М по сравнению А в имени первого посла – Юрия Городенского (*Кгороденского*), которое в А переделано на польский манер: *Юря Кгруденьского*. Похожая ситуация в грамоте примерно от тех же дней, но уже от Ивана IV к королю, с упоминанием нападения «литовских людей» на новгородские места – списки П и М передают архетип, тогда как А от него отстает. В той же грамоте в отрывке «И наши люди черниговские, не мога терпѣть многих обид от твоих людей войны, за тѣми людьми и за полоном ходили» оба списка выпустили весь отрывок *не мога... войны*, и это вряд ли след амплификации в П. Данное исправление отражает расхождение между двумя версиями грамоты: той, которую планировалось отправить, и той, которая была отправлена в действительности от имени царя. В П и архетипе АМ данного послания очевидно еще одно большое расхождение в отрывке, в котором царь объясняет, почему состоялся поход из Чернигова на Лоеву Гору (уже после заключения договора о прекращении боевых действий). Имя Антонио Поссевино в грамоте короля от 17 марта 1582 г. того же года лучше передано в А, который ближе к чтению П передает вариант, развитый в М. Переписчик, работавший над составлением М, имел перед глазами вариант, сходный с М и уже, по всей видимости, отступающий от чтения протографа, и исправил его, сократив латинское окончание в прозвище.

В ряде мест списки Литовской Метрики содержат сходные редакторские вторжения, ведущие к существенным смысловым отличиям от чтений посольских книг. Оба списка исправляют имя М. Ю. Радзивилла, написав его через «а» (из *Родивилу*) и дополнив отчеством (*Миколаю Юревичу*), которого в посольской книге нет и, вероятно, не было, как и других отчеств литовских сенаторов. Еще одна проблема возникла из-за отчества другого сенатора. Оба списка исправляют ошибку Боярской думы, присвоившей Григорию Воловичу державу Довговскую. Только список А передает варианты написания «державце» и «мирицкому», сходные с московским списком, тогда как список М их содержит в местной русской транскрипции «державцы» и «мерецкому». Расхождения в отношении державы Довговской показывают, что исправление первоначального текста, сходного в данном случае с П, в общем протографе обоих списков Литовской Метрики было произведено вскоре после передачи послания Панам раде Великого княжества Литовского. Григорий Богданович Волович умер в том же 1577 г., когда послы доставили письма королю и Панам раде из Москвы. Волович выступает в источниках как державца договский [Падалінскі, с. 320–321]. Эта его должность была известна и принята в Москве и отразилась в интитуляции послания Боярской думы Панам раде от 20 января 1574 г.¹⁹ Однако уже в послании из Москвы от второй половины января 1576 г. этот уряд приписан не воеводе смоленскому, а каштеляну новгородскому (то есть Новогрудка) Григорию Гриньковичу

¹⁹ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. № 14. Л. 108 (Москва, 20 января 1574 г.).

Воловичу († около 1584)²⁰. Исследователи высших урядов Великого княжества Литовского данных об этом уряде за Г. Б. Воловичем также не приводят [Urzędnicy, s. 66, № 350]. Решение литовского переписчика-канцеляриста объяснимо, учитывая, что названный уряд в момент создания протографа списков послания ноября 1576 г. из Литовской Метрики занимал не умерший Г. Б. Волович, а Г. Г. Волович [Urzędnicy, s. 92, № 593]. Это позволяет предположить, что исключение довговского уряда из интитуляции московской грамоты произошло в Великом княжестве Литовском сознательно.

Списки грамоты Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г., отправленной с выпущенным из плена князем А. И. Полубенским, представляют текстологическую проблему²¹. Данная грамота сохранилась в составе А и М, но в московском делопроизводстве она известна лишь по более поздним спискам, восходящим к полуофициальному делопроизводству. Сравним оба литовских списка с чтениями С, Т и Г. Выше приведены случаи, в которых СТГ сходно с АМ отступают от П, а следовательно, независимо от сохранившихся ныне посольских книг передают архетип посланий. Поскольку многие чтения СТГ независимо от АМ восходят к общим с ними протографам, то есть к подлинным грамотам, названные чтения могут служить независимым источником для установления первичности чтений между А и М. Грамота от 12 сентября 1577 г. передана в СТГ и АМ с разночтениями, из которых мы отберем те, которые позволяют установить *СТГ и отношение этого протографа к расхождениям между А и М:

С	Т	Г	А	М
владимерский	владимерский	владимерский	володимерский	владимерский
Сѣверныя страны	Севѣрныя страны	Севѣрныя страны	Северные страны	Сиверные страны
Немецково чину	Неметцково чину	Немецкого чину	Немецкое чину	Немецкого чину
тебѣ в том	тебѣ бы в том	тебѣ бы в том	и тебе о том	и тебе о том

Чтения *владимерский* и *Немецкого* первичны, а следовательно, переписчик М не мог зависеть от А и передал архетип, тогда как в чтении *Северные страны* переписчик А следовал более раннему виду текста, чем переписчик М. Это значит, что А и М восходят к общему протографу, и в данном случае – независимо друг от друга.

Московские списки посланий Стефана Батория Ивану IV, в частности ПСТ, существенны для реконструкции первоначального кириллического текста не дошедших в подлиннике грамот. В послании короля от 16 марта 1580 г. один из титулов Ивана Грозного *великому князю тверскому* читается в АМПСТ, а следовательно, в их общем протографе, однако его нет в кириллическом списке из архива Радзивиллов (Р) и в польской версии, где титул сокращен до *тверьскому* и *Twerskiemu*²². При этом в П (посольской книге № 11) утрачены пермский, вятский и болгарский титулы царя, которые читаются в остальных списках (включая СТ). Однако в ряде случаев Р и польские версии передают наиболее раннюю версию текста. Например, только в них нет удвоения возвратного местоимения *ся* в чтении *се (ся) ... до рук наших (наших ся) достали*, которое читается в АМПСТ.

Таким образом, весьма вероятно существование общего протографа АМПСТ, который был младше общего протографа Р и польских списков, но к которому младшие списки также восходили сложным путем: А и М через общий протограф из канцелярии Великого княжества Литовского, а ПСТ – через какую-то версию Посольского приказа, которая могла являться подлинником грамоты, а могла быть ее ранней копией. Впрочем, более вероятно, что к царю

²⁰ AGAD. AR. Dz. II. № 106. S. 1. См. также: GStA PKB. HA. XX. HBA. E. Kasten 720. № VI.28.16; HHStA. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. G. F. 1–3, 17–19.

²¹ АМ-591. Л. 412 об.–413 об.; АМ-592. Л. 21 об.–23; РГАДА. Ф. 79. 1573 г. № 1. Л. 25–27 об.; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17. Л. 247–249; Ф. 235. Папка 3. № 21. Л. 48 об.–50.

²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 292–295; Ф. 79. 1573 г. № 1. Л. 115; АМ-591. Л. 440; АМ-592. Л. 48 об.; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17. Л. 350–352; ср.: AGAD. AR. Dz. II. № 98. S. 1; BCz. № 310. S. 30; № 1585. S. 462.

Ивану IV был направлен текст, сходный уже с *АМПСТ и содержащий ряд характерных для него отступлений от общего протографа рукописной традиции послания.

Изучение первого послания Ивана IV королю от 21 апреля 1580 г. подтверждает существование общих протографов *ПСТ и *АМ. В данном случае в нашем распоряжении еще и три польских списка²³. Чтения списков Курницкого (К) и Чарторыйских № 310 (Н) показывают их близость к *АМ, особенно в написании имен, однако список Чарторыйских № 1664 (Ч) восходит независимо от АМ к протографу ПСТ в чтении *Blahowo*, при этом точно передавая общий протограф с АМ в других чтениях. Из этого следует, что уже на территории Великого княжества Литовского была еще более ранняя версия, чем *АМ. И с этой более ранней кириллической версии делался польский перевод.

П	СТ	АМ	КН	Ч
Елизаря Ивановича Благово	Елизаря Ивановича Благово	Елизаря Ивановича <i>Благова</i>	Jelizara Iwanowicza <i>Blachowa</i>	Jelizara Iwanowicza Blahowo
с Лвою Стремоуховым	с Лвою Стремоуховым	з Лвою <i>Стремоуховым</i>	ze Lwem <i>Stromouchowem</i>	ze Lwem <i>Stromouchowem</i>
Венцлава Лопатинского	С: Ванцлава Лопатинского Т: Венцлава Лапатинсково	<i>Вацлава</i> Лопатинского	Waclawa Łopacinskigo	Wacławawa Lopaczinskigo
Матвѣй Дубитцкой	С: Матфей Дубенской Т: Матвѣй Дубѣнской	<i>Матей</i> <i>Демѣбиньский</i>	К: Maciej Dęmbinski Н: Maciej Demiński	Macziey Dembynski

Ряд редакционных отличий между *ПСТ и *АМ поддержан в польских переводах в пользу *АМ, а следовательно, польский текст зависит от той версии послания, которая отразилась только в кириллической версии из Великого княжества Литовского:

ПСТ	АМ	КЧН
А ты наших послов обезчестил (С: обезчестил; Т: обѣсчестил), и они (С: онѣ), видя к себѣ от тебя безчестье (Т: бѣсчестье), потому тебѣ и посолства не правили (СТ: не смѣли правити) и дѣла никакова не дѣлали	А ты наших послов обезчестил и их <i>принял не по прежним</i> <i>обычаем, и они потому без</i> <i>нашого ведома не посмели и</i> <i>поселства правити</i> и дѣла никакова не дѣлали	A tyś naszych posłów obelżeł (ЧН: obelżył), y ich <i>przyjął nie</i> <i>wedle pierwszych</i> (Н: pierszych) <i>obyczajów, y oni dla tego bez</i> <i>wiadomości naszej nie smieli</i> <i>y poselstwo</i> (Н: poselstwa) <i>odprawować, y żadney rzeczy nie</i> <i>poczynali</i>
И ты б, как есть господарь крестьянский (С: хрестиянский), на тѣх бѣдных людей умилиосердился и их велѣл дати на окуп и на обмѣну	И ты б, как есть господарь хрестиянский, на тых бѣдных людей умилиосердился и их велѣл дати на окуп и на обмѣну, <i>чтобы они напрасно не погинули,</i> <i>а их бы убогая кров на наших</i> <i>душах не лежала</i>	Y tyby iako H-r (Ч: Hosp.; Н: Hospodar) Chrestiianski (ЧН: Chrzesczyanski), na tych ubogich ludzi umiłosierdział się y rozkazał ich dać na oкуп (Ч: ok ²⁴) y na odmianę, zeby oni daremnie nie poginęli, a ichby krew na naszych duszach nie leżała (Н: wieliczyła)

²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 296 об.–305 об.; Ф. 79. 1573 г. № 1. Л. 117 об.–124 об.; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17. Л. 352–358; АМ-591. Л. 446–449; АМ-592. Л. 54 об.–57. ВК. № 982. С. 55–60; ВЧ. № 1664. С. 167–171; № 310. С. 40–45.

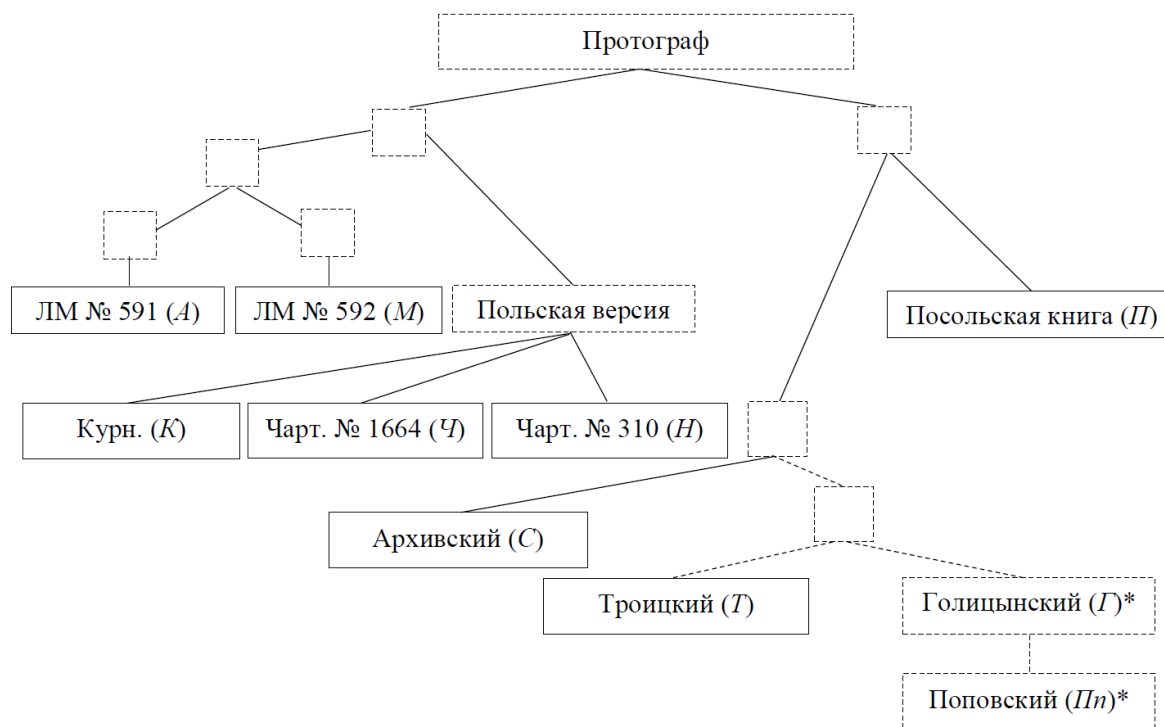
²⁴ Возможно, конец слова в Ч утрачен из-за повреждения листа у корешка.

Чтение *T* не смѣли правити более раннее, чем *П* не правили, поскольку даже в совсем иной версии *АМ в варианте *не посмели и поселства правити* заметно сближение с *СТКЧН. В данном случае КЧН содержат показательное сближение с СТ в варианте *nie smieli u poselstwo odprawować*, который доказывает независимое от *АМ восхождение *КЧН к протографу грамоты. Более пространная версия АМКЧН в отрывке об обмене пленными не находит аналога в ПСТ, а следовательно, данного отрывка, несомненно, не было в *ПСТ. Чтение КЧН в обоих случаях близко по объему передает вариант, сходный с АМ в его отличии от *ПСТ. И это позволяет предположить, что в московском делопроизводстве отразился более ранний вариант грамоты, а до адресата грамота дошла уже в том объеме, в котором она известна ныне в канцелярских копиях Великого княжества Литовского (см. стемму 2).

Стемма 2

Списки послания Ивана IV Стефану Баторию, 21 апреля 1580 г.²⁵

(с учетом расхождений между С, Т, Г и Пn послания Ивана IV Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г.)

* * *

В Москве посольские служащие в течение нескольких дней после вручения грамот регистрировали их на обороте оригинала. Впрочем, нередко фиксируемая в делопроизводстве, нарративных и эпистолярных источниках дата выдачи грамоты для ее отправления адресату недостаточна для точной датировки. Расхождения почти во всех известных случаях вызваны тем, что в подлинной грамоте дата вписывалась по отступу в строке в последний момент перед отправлением, когда весь текст грамоты был уже подготовлен к занесению к текущие

²⁵ В Голицынском списке послание отмечено А. Н. Поповым под № XXXIII, в стемму включены эти данные на основе разночтений в других сегментах переписки.

подборки материалов по миссии и на месте, оставленном под денную дату, не успевали вписать необходимое календарное число.

Существенных расхождений в датировках посланий из России списки местного происхождения не содержат. Обратное направление освещено лучше, поскольку есть следы расхождений между датировками грамот, достигших Москвы и известных чаще всего в списке посольских книг или в оригинале. Расхождения в датировке грамот, занесенных в Литовскую Метрику, с датами на тех же грамотах из московских посольских книг, иногда достигающие месяца, говорят о том, что архив грамот в составе книг Литовской Метрики выполнял функции регистрации осуществленных миссий. Подлинник грамоты от 10 (12) августа 1580 г. содержит дату: «Писан у Суражу лета Божьего Нарожения 1580 месеца августа 10 дня». Оба списка из канцелярии Великого княжества Литовского, а значит, и их общий протограф *АМ передают в эсхатоколе дату с разницей в два дня с грамотой, то есть от 12 августа 1580 г. При этом след первоначальной датировки не вызывает сомнений. В А и М, а также в Курницком списке после протокольных формулировок читается, как и в подлинной грамоте: «Дня нынешнего августа десятого присылал (в грамоте: прислал. – К. Е.) до нас... лист твой...»; «Dnia dzisiejszego Augusta 10 przisłał do nass... list twoy». При этом в польском списке нет эсхатокола, он удален при копировании. Однако в Ватиканском латинском списке грамоты этот фрагмент основного текста читается: «Duodecima Augusti accepimus litteras tuas...», а в эсхатоколе, как и в *АМ, читается: «Datum in Surasz XII. Augusti 1580, Regni nostri Anno quinto»²⁶. Таким образом, подлинная грамота относится к 10 августа, и эта же дата отчасти сохранилась в утраченном ныне раннем списке из канцелярии Великого княжества Литовского, в котором эсхатокол уже содержал иную денную дату. С этой ранней версией текста связан и польский вариант послания. Тогда как латинский перевод уже выправлен под датировку «12 августа 1580 г.».

Подлинники посланий Стефана Батория от 10 августа и от 3 сентября 1580 г. не оставляют сомнений, что *АМ (соответственно – 12 августа и 5 сентября 1580 г.) отразил не даты направленных московскому монарху грамот, а процедурный момент фиксации их копий в канцелярии Великого княжества Литовского. Текст грамоты, датированной в московской посольской книге и в описи архива Посольского приказа «14 февраля 1581 г.», в обоих списках Литовской Метрики и, таким образом, в *АМ не содержит ни месячной, ни денной даты²⁷. Однако такие разночтения встречаются отнюдь не всегда. Например, известная в подлиннике грамота Панов рады Боярской думе от 2 августа 1581 г. датирована в *АМ точно в соответствии с подлинником.

Датировки посланий в российских посольских книгах (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 10–14), подборке посольской переписки (РГАДА. Ф. 79. 1573 г. № 1; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17; Ф. 235. Папка 3. № 21) и Литовской Метрике (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591, 592) сведены в таблице²⁸:

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 4. Л. 1; 2, 5 об.; АМ-591. Л. 459 об., 462; АМ-592. Л. 67 об., 69; ВК. № 285. К. 9v, 11; AAV. Segretario di Stato. Polonia 17. F. 300, 300v.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 12. Л. 5; АМ-591. Л. 506; АМ-592. Л. 117. Ср.: ОАПП. С. 97.

²⁸ Условные обозначения: ПК – Посольская книга; АМ – Литовская Метрика; Г/Сп – оригинал грамоты и другие списки послания; И – Иван IV; С – Стефан Баторий; Б – Боярская дума; П – Панове рада; ПП – Панове Короны Польской; бд – без датировки; * – сохранился подлинник; [29.09.77] – дата в подлиннике послания; (12.09.77) – дата в списках РГАДА. Ф. 79. 1573 г. № 1 и/или ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17; Ф. 235. Папка 3. № 21. Годичные даты здесь без указания тысячелетия и столетия. В таблицу не включен ряд посланий, не входящих в известные ныне посольские книги из России и Великого княжества Литовского. Среди них послания Стефану Баторию от ноября 1576 г. (ВСз. № 2893. С. 15–17), ливонская переписка из разрядных книг и особых посольских подборок за лето – осень 1577 г. (см. выше), послание короля предположительно после 1 декабря 1578 г. (AGAD. AR. Dz. II. № 3375. 2 k.), переписка царя с князем А. М. Курбским и Стефаном Баторием за сентябрь – октябрь 1579 г. (см. выше).

Адрес	ПК	ЛМ	Г/Сп	Адрес	ПК	ЛМ	Г/Сп
П/ ПП-И	06.06.76	бд	–	И-С	–	[--].12.80	[--].12.80 ²⁹
С-И	12.07.76	12.07.76	–	С-И	14.02.81	[--].[--].81	–
И-С	[--].11.76	[--].11.76	–	И-С	–	05.03.81	–
Б-П/ ПП	[--].11.76	[--].11.76	[--].11.76 ³⁰	С-И	23.04.81	–	23.04.81 ³¹
С-И	–	30.07.77	–	С-И	03.06.81	04.06.81	–
И-С	–	12.09.77	(12.09.77)	С-И	04.06.81	–	–
С-И*	29.09.77	–	[29.09.77] ³² (24.09.77)	И-С	29.06.81	29.06.81	29.06.81 ³³
И-С	06.12.77	–	(06.12.77)	Б-П	29.06.81	29.06.81	29.06.81 ³⁴
С-И	12.03.78	12.03.78	(12.03.78)	И-С	29.06.81	29.06.81	29.06.81
И-С	–	[--].01.78	([--].01.79) ³⁵	П-Б*	–	02.08.81	[02.08.81] ³⁶
С-И	–	01.06.79	–	С-И	02.08.81	02.08.81	бд ³⁷
С-И	26.06.79	26.06.79	(06.06.79) ³⁸	И-С	[--].10.81	27.10.81	–
С-И	16.09.79	16.09.79	(16.09.79)	С-И	14.11.81	14.11.81	14.11.81 ³⁹
Б-П	26.10.79	–	(26.10.79)	И-С	–	[--].12.81	–
И-С	21.11.79	21.11.79	(21.11.79) ⁴⁰	И-С	[--].02.82	-02.82	–
И-С	06.01.80	06.01.80	(06.01.80) ⁴¹	С-И	–	12.03.82	–
И-С	06.01.80	06.01.80	(06.01.80) ⁴²	С-И	17.03.82	17.03.82	17.03.82 ⁴³
С-И	10.01.80	–	–	П-Б	–	18.03.82	–
П-Б	16.01.80	–	(10.01.80)	И-С	[--].03.82	[--].03.82	–
Б-П	[--].02.80	[--].02.80	([--].02.80) ⁴⁴	И-С	[--].03.82	[--].03.82	–
С-И	17.03.80	16.03.80	(17.03.80) ⁴⁵	С-(И) ⁴⁶	–	02.04.82	–
И-С	21.04.80	21.04.80	(21.04.80) ⁴⁷	С-И	27.04.82	–	–
И-С	–	21.04.80	–	И-С	[--].04.82	–	–

²⁹ ВЛ № 999. К. 7–7v.

³⁰ ИРЛИ РАН. Древлехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 17. Л. 3.

³¹ ANK. Oddz. I. Archiwum Dzikowskie Tarnowskich. Sygn. 135. S. 557–559. Cp.: AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 18. F. 95–95v (106–107).

³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 3. Л. 1–1 об.

³³ BN. BOZ. № 1203. К. 183–194v; BCz. № 1664. S. 201–226; № 307. S. 351–361; № 310. S. 65–89; AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 15. F. 156–160.

³⁴ AAV. Segr. Stato. № 134. Polonia. № 15A. F. 155–159.

³⁵ См. также: AGAD. MK. LL. № 21. К. 287–292.

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 6. Л. 1–1 об. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 6. Л. 2–3 об.

³⁷ BN. № 6604. К. 1–33; BK. № 982. S. 44–54; GStA-PK. HBA 719, E5; ARSI. Polonia. Opera nostrorum. № 329 I. F. 2–23v.

³⁸ BCz. № 1664. S. 79; № 310. S. 382–390; TN. № 87. S. 77–83; DOZA. Liv. 10/2. F. 262–267.

³⁹ AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 15A. F. 140–140v.

⁴⁰ ИРЛИ РАН. Древлехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 13. Л. 2 об. (фолиации нет); GStA-PK. HBA 719, E5.

⁴¹ BCz. № 1664. S. 144–148; № 310. S. 27–29; TN. № 87. S. 245–249; № 1585. S. 455–460; BK. № 982. S. 80–82; AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 17. F. 86–87 (97–99).

⁴² BK. № 982. S. 84–86; BCz. № 1664. S. 148–150; № 310. S. 29–30; № 1585. S. 461–462; TN. № 87. S. 251–252; AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 17. F. 87–87 об. (99–99v).

⁴³ ARSI. Polonia. ON. № 329 I. F. 68–68v.

⁴⁴ BK. № 982. S. 64–70; BCz. TN. № 87. S. 263–268.

⁴⁵ AGAD. AR. Dz. II. № 98. S. 1; BCz. № 310. S. 30–31; № 1585. S. 462–464.

⁴⁶ «Моц» на посольство князя Я. Збаражского со товарищи не адресована Ивану IV, однако является не только верительной («верящей» или «пропускной») грамотой, содержа указания на статьи предполагаемого договора с московским монархом.

⁴⁷ BK. № 982. S. 55–60; BCz. № 1664. S. 167–171; № 310. S. 40–45.

П-Б	08.05.80	08.05.80	–	С-И	23.06.82	–	–
С-И	–	13.06.80	–	И-С	[--].07.82	–	–
С-И	14.06.80	14.06.80	(14.06.80) ⁴⁸	Б-П	–	[--].07.82	–
И-С	09.07.80	02.07.80	(09.07.80)	И-С	[--].09.82	–	–
И-С	16.07.80	19.07.80	–	С-И	04.11.82	–	–
С-И	–	22.07.80	(22.07.80)	С-И	01.12.82	–	–
И-С	–	02.08.80	02.08.80 ⁴⁹	И-С	[--].02.83	[--].02.83	–
И-С	–	02.08.80	–	И-С	[--].04.83	[--].04.83	–
И-С	–	05.08.80	05.08.80 ⁵⁰	С-И	10.05.83	10.05.83	–
С-И*	–	12.08.80	[10.08.80] ⁵¹	И-С	[--].07.83	–	–
С-И	–	12.08.80	12.08.80 ⁵²	И-С	[--].07.83	–	–
И-С	–	12.08.80	–	С-И	03.08.83	–	–
Б-П	–	12.08.80	–	С-И	03.08.83	–	–
С-И	–	21.08.80	–	С-И	30.9.89	–	–
С-И*	–	05.09.80	[03.09.80] ⁵³	С-И	02.10.83	–	–
С-И	–	09.09.80	–	И-С	[--].12.83	–	–
И-С	–	27.09.80	–	С-И	27.01.84	–	–
И-С	–	29.09.80	–				

Важнейшим для датировки грамоты считался момент окончательной выдачи документа исполнителю миссии и начала миссии. Как результат дата в списках послания не всегда отражает момент составления письма. Впрочем, иногда – как в случае с грамотой от 14 февраля 1581 г. – канцелярские служащие получали доступ к грамотам, в которых дата еще не была полностью указана, и позднее писцы уже не имели доступа к точно датированной грамоте. Отличия датировки регистрации от датировки самих оригиналов не считались существенными для подборки из канцелярии Великого княжества Литовского. Обычная практика предполагала, что сначала посланник отпускался в Московское государство и лишь после этого текст грамоты заносился в собрание, составившее основу для более поздних книг Литовской Метрики.

* * *

Подведем итоги. Изучение посольской переписки между Россией и Речью Посполитой за середину 1576 – начало 1584 г. показывает, что проблемы датировки и развития текста грамот должны решаться на всем комплексе сохранившихся данных, с учетом как делопроизводственных подборок, так и обособленных списков, иногда даже значительно отстоящих по времени возникновения от момента создания грамот (среди них – переводы на европейские языки). Сохранившиеся подлинники грамот в общем объеме переписки изучаемого периода составляют около 3,5 %. При этом ни российские, ни польско-литовские канцелярские своды не отражают всех особенностей текста и датировок посланий. А следовательно, в подавляющем большинстве случаев политико-дипломатическому исследованию переписки должен предшествовать историко-текстологический этап. Расхождения между списками одних и тех же посланий

⁴⁸ ВК. № 982. S. 60–64; BCz. № 1664. S. 167–171; TN. № 87. S. 303–305.

⁴⁹ ВК. № 285. К. 9–9v; GStA PKB. HA. XX. HBA. E. Kasten 720. № VI.28.18.

⁵⁰ AAV. Segr. Stato. 134. Polonia. № 17. F. 300–300v (430–431).

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 4. Л. 1–1 об. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 4. Л. 2–5 об.; ВК. № 285. К. 9v–11; AAV. Segr. Stato. Polonia 17. F. 300–300v.

⁵² AAV. Segr. Stato. Polonia 17. F. 301–303v.

⁵³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 5. Л. 1–1 об. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Л. 2–5 об.

могут колебаться от лексических (синонимия, языковые кальки, антропонимы и топонимы, взаимные замены цифири и числительных, выпадение отдельных слов и факультативных частей речи) и лексико-синтаксических (перестановка слов, замена грамматических форм) до демаршей в титуловании, исправлений в протоколе и эсхатоколе и до переработки значительных фрагментов, что влияет не только на историю текста, но и на понимание военно-дипломатических реалий эпохи (особенно важны эти расхождения в тех случаях, когда в архетипе списков удастся обнаружить, что канцелярии Российского царства и Великого княжества Литовского несходно передают один и тот же текст)⁵⁴.

Вывод М. П. Погодина и Д. Н. Дубенского о первичности списка Литовской Метрики № 591 по сравнению с № 592 того же собрания следует признать ошибочным и полагать, что эти списки в общих для них разделах независимо друг от друга восходят к протографу, созданному уже в канцелярии Великого княжества Литовского (речь идет, впрочем, об общем протографе протографов обеих этих книг, донесших в копиях 1590-х гг. содержимое более ранних книг) [Sulowska-Kurasiowa, Wejchertowa; Kennedy Grimsted, p. 61–72, Appendix 1, p. A-5 – A-6, Appendix 4, p. A-64; Susigrāžinant praeiti, p. 95–97, 122–125]⁵⁵. Возможно, это была пополняемая подборка посланий и других посольских материалов. Следующие посольские книги в составе фонда Литовской Метрики открываются: № 593 – посланием от февраля 1585 г.⁵⁶; № 594 – посланием от 28 декабря 1585 г., однако в данной книге недостает начала⁵⁷. Работа над материалами томов № 591 и 592 точно датирована в канцелярии. Первый из них начали собирать 7 августа 1576 г., а последнее в его составе – послание от Боярской думы Панам раде от июля 1582 г. Второй составлен из материалов только московского направления и датирован 8 июня 1583 г., а последнее в его составе – письмо Стефана Батория Ивану IV от 10 мая 1583 г. Таким образом, лакуна в списках посланий из канцелярии Великого княжества Литовского между 10 мая 1583 г. и февралем 1585 г. может объясняться утратой части материалов в подборке, которая была обособлена от ныне известных томов Метрики, но вероятна и утрата части посольской документации на начальных листах в томе Литовской Метрики № 594.

Соотношение между московскими списками посланий открывает существенную закономерность: чтения списков ОР РГБ. Ф. 304/II. № 17; Ф. 235. № 21 и РГАДА. Ф. 79. 1573 г. № 1 свидетельствуют об общем протографе, который независимо от московских посольских книг и, разумеется, от европейских списков восходит к протографу с текстами грамот (причем первые два списка происходят от него через общий для них протограф). Этот протограф мог возникнуть никак не ранее 22 июля 1580 г., поскольку этим числом датируется последняя грамота, входящая в подборку. Я. С. Лурье предлагал датировку «1579–1580 гг.», учитывая только послания Ливонского похода 1577 г. в составе данного сборника [Лурье, 2001, с. 610]. Однако письма 1577 г. никак не выделены в едином комплексе, охватившем послания за 29 декабря 1572 – 22 июля 1580 г., а следовательно, наиболее ранней вероятной датой

⁵⁴ Значительные расхождения между списками российского и польско-литовского происхождения обнаруживаются в тексте грамот от 26 июня 1579 г., 21 апреля 1580 г., 2 (9) июля 1580 г., 16 (19) июля 1580 г., 22 июля 1580 г., обоих посланий от 29 июня 1581 г., королевского послания от 2 августа 1581 г., грамот 27 октября 1581 г., 17 марта 1582 г., двух посланий марта 1582 г., грамот февраля 1583 г., (29) апреля 1583 г., 10 мая 1583 г. В ряде случаев задачи усложнены отсутствием ряда списков в российском или польско-литовском делопроизводстве (о таких случаях см. ниже) или сохранностью только польского перевода на польско-литовской стороне и российской копии в посольской документации (так обстоят дела с посланием от 23 апреля 1581 г.).

⁵⁵ П. Кеннеди-Гримстед неоднократно указывает неверную нижнюю дату дел в книге № 593: «1581 г.». По всей видимости, это ошибка вслед за издателями середины XIX в. Ср.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского / Изд. М. А. Оболенский, И. Н. Данилович. М., 1843. Т. 1. Приложения. С. 439.

⁵⁶ Lietuvos Metrika. Vilnius, 2009. Knyga Nr. 593: (1585–1604): Diplomatinų reikalų knyga / Parengė A. Baliulis. P. 11.

⁵⁷ Lietuvos Metrika. Vilnius, 2006. Knyga Nr. 594: (1585–1600) / Parengė A. Baliulis. P. 13. См. также: [Baliulis].

всего комплекса следовало бы считать момент доставки письма от 22 июля 1580 г. Федором Шишмаревым Ивану Грозному – не ранее сентября 1580 г., поскольку в описи Посольского приказа данная грамота датирована уже 7089 (то есть 1 сентября 1580 – 31 августа 1581) г.⁵⁸

Судя по тому, что в Архиве Радзивиллов хранились оригиналы посольских грамот из Москвы только за время бескоролевий и ряд списков с грамот, оригиналы которых находились где-то в другом месте, можно предположить, что в правление Сигизмунда II Августа, Генриха Валуа и Стефана Батория посольские послания от московских властей к польско-литовским государям считались первостепенным дипломатическим источником для руководства Великого княжества Литовского и в архиве литовского канцлера тщательно сохранялись. Особый интерес представляет обнаружение оригиналов из Москвы в архиве М. Ю. Радзивилла Рыжего за тот период, когда в Москве, по всей видимости, не велись посольские книги по переписке с Панами радой Великого княжества Литовского, которые могли рассматриваться как особый контрагент, отчасти независимый от суверенов Короны Польской и Великого княжества Литовского. Предположение о пропуске в сплошной чистовой регистрации отношений с Вильно после смерти Сигизмунда II Августа 7 июля 1572 г. и до прихода к власти Стефана Батория в конце 1575 – начале 1576 г. подкрепляется тем фактом, что за эти годы опись архива Посольского приказа начала XVII в. донесла упоминание хранившихся в одном ряду с договорами сплошного вала посланий из Литвы. Это не значит, что между нынешними посольскими книгами № 9 и 10 никаких книг не велось. Однако и эта документация с какого-то момента могла не относиться к прежнему ведомству, и книга № 10 может рассматриваться как составленная не только из двух первоначально различных кодексов, но и из комплексов двух несходных направлений внешней политики. Начальная ее часть подшита к материалам делопроизводства за время правления Стефана Батория. Создание этой книги могло происходить уже спустя год или два после прихода к власти короля Стефана. В течение еще нескольких лет московская дипломатия не признавала его власть и втягивала Священную Римскую империю в войну против Речи Посполитой. Это отразилось и на посольском делопроизводстве в Москве. Оно в значительной степени продолжало строиться на отношениях с Панами радой и Коронным Сенатом, и «Титулярник», составленный в Посольском приказе около 1577–1578 гг., отразил формуляры посланий только к Панами раде [Беляков].

В правление Стефана Батория переписка между Варшавой и Москвой превратилась в инструмент для дипломатического обострения и была одним из полей боевых действий. В период Московских походов Стефана Батория эпистолярная пропаганда достигла книжных собраний средней шляхты, которая участвовала во время походов в слушании царских посланий и составлении ответов. Распространение в составе *silva rerum* XVII в. имели материалы переписки короля с царем Иваном 1579 г. Они известны в ряде списков, хотя нет надежных оснований видеть в этой популярности прямой след умонастроений эпохи Стефана Батория. Вероятнее, что знакомство шляхты с письмами царя и короля происходило уже во время военных походов, но копирование этих писем осуществлялось значительно позже. А. Дзялынский во время Великолуцкого похода имел доступ к переписке короля с Иваном IV и поместил в свой дневник послание Ивана IV от 2 августа 1580 г. и ответ на него короля от 10 (12) августа 1580 г.

В России переписка с королем после 16 (19) июля 1580 г. и до 14 февраля 1581 г. не отразилась в известных ныне посольских книгах, причем эта хронологическая лакуна возникла между окончанием посольской книги № 11 и началом книги № 12. Возможно, подборка с копиями посланий и текущих дел за этот период была утрачена. Нельзя исключать

⁵⁸ ОАПП. С. 97 (Л. 120–120 об.).

и того, что она некогда составляла вводную часть книги № 12, в которой в нынешнем ее виде отразилось всего два послания из переписки – от 14 февраля и 23 апреля 1581 г.

Пик переписки приходится на конец июня – сентябрь 1581 г. Письмо короля, составленное в основном 20 июля – 2 августа 1581 г. и датированное 2 августа 1581 г., было написано в ответ на обширное послание царя от 29 июня 1581 г. и содержало подробное обоснование справедливой войны, а также опровержение притязаний Ивана IV на земли Речи Посполитой. Как известно из «Дневника» Яна Петровского и других источников, послание короля составлялось сначала на латыни, с которой Ян Замойский публично переводил его на польский. С польского был сделан перевод на местный русский язык, и именно этот текст отразился в томах дипломатической переписки Литовской Метрики (№ 591 и 592) и в Посольской книге № 13.

Послания Ивана Грозного литовским монархам достигали Ватикана, Вены, германских княжеских собраний. Главная цель латинских, польских и немецких переводов этих писем заключалась в том, чтобы оповестить о агрессивных настроениях царя и показать исходящую из Москвы угрозу. Сходное значение в российской рукописной традиции, но с обратным акцентом имели списки ливонской переписки Ивана Грозного в частных разрядных книгах XVII в. В основу этих записей был положен разряд летне-осеннего похода 1577 г. с включенной в его состав перепиской царя с гарнизонами крепостей и ливонским королем Магнусом. В поздних редакциях этого разряда ряд посланий из первоначального состава удалялся, однако стремление сохранить какое-то их число говорит об устойчивости интереса российского боярства и высшего дворянства к военной переписке Ивана IV. Кроме того, почетной разрядной службой для детей боярских считалось само доставление посланий.

Послания Ливонского разряда были объединены в сборник уже осенью 1577 г. или вскоре после того и включены в разрядные книги как единая подборка с росписями полков и внутренней документацией Разрядного приказа (последнее по хронологии послание в этой подборке – в Трекат от лица князя А. И. Полубенского, от 7 сентября 1577 г.). То, что названные послания не вошли в посольские книги польско-литовского направления, может свидетельствовать как в пользу того, что они не считались частью именно этого сегмента посольской документации, так и о том, что Ливонию царь и его чиновники вообще не считали на момент возникновения данной подборки заграничной территорией и в ведение Посольского приказа не включали.

Всплеск переписки между суверенами Москвы и Варшавы, пришедшийся на 1576–1584 гг., свидетельствовал об обострении дипломатии, о новом переходе к мобилизационной политике. Переписка с королем Стефаном открывается ультиматумом со стороны Москвы, который замечен лишь при взаимном сравнении посланий 1576 г. от царя и Боярской думы. Если королю от имени царя было направлено сдержанное послание, то Панове рада получили письмо с требованием признать царский титул и все завоеванные ранее Москвой русские земли и Ливонию. Объявление войны в послании Панам раде означало, что именно высший совет Великого княжества Литовского (а опосредованно – и весь Сенат Речи Посполитой) в Москве считали ответственным за нарушение добрососедских отношений. В ходе Ливонского похода 1577 г. царь пользовался рассылкой писем отдельным сенаторам, «изменникам» и королю. Эти послания передавались с пленными, чем царь показывал превосходство над противником и доминирование в регионе. Крупнейшие за всю переписку послания: царя от 29 июня 1581 г. и ответ на него, составленный 2 августа 1581 г., – окончательно определили взаимное недоверие между монархами и очертили полный круг претензий, включая идеологические, вплоть до непризнания законности на троне. После заключения мира под Ямом Запольским переписка

вошла в деловое русло, но до начала 1584 г. и до смерти Ивана IV оставалась экстраординарно насыщенной посланиями самих суверенов, что говорило о неустойчивости дипломатии и трудностях ее вхождения в мирное русло.

Литература

- Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. 387 с.
- Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. 462, [1] с., [8] л. факс.
- Беляков А. В. «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г. // Российская история. 2020. № 6. С. 131–142. DOI 10.31857/S086956870012939-3
- Граля И., Эскин Ю. М. Предисловие // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2004. Т. 7. Посольская книга по связям России с Польшей: (1575–1576 гг.) / Сост. А. В. Соболев. С. 9–15.
- Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. 1012 с.
- Ерусалимский К. Ю., Полехов С. В. Послание короля Сигизмунда II Августа Ивану Грозному из собрания Вильнюсского университета (1568 г.): текст и дипломатический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 48–61. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.005
- Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. 331, [2] с.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
- Лурье Я. С. Археографический обзор. Послания Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 315–351.
- Лурье Я. С. Второе послание Ивана Грозного Курбскому (Комментарии) // БДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 610–611.
- Падалінскі У. Валовічы ў палітычным жыцці ВКЛ другой паловы XVI – пачатку XVII ст. // Unus pro omnibus. Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст. Мінск, 2014. С. 315–332.
- Петров К. В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М., 2018. 546, [2] с.
- Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М., 2012. 254, [1] с.
- Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. 845 с., [16] л. цв. ил.
- Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 177–181.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. 439, [2] с., [16] л. ил., портр.
- Baliulis A. Lietuvos Didžiosis Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės diplomatiniai santykiai XVI a. pabaigoje (Lietuvos Metrikos 594 knygos apžvalga) // Lituanistica. 2002. № 3 (51). P. 3–32.
- Grala H. Źródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. (Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów) // Miscellanea Historico-Archivistica. 1997. T. 7. S. 135–153.
- Janicki M. A. Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.
- Kennedy Grimsted P. The “Lithuanian Metrica” in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including an Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanisław Ptaszycki / With the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa. Cambridge, Mass., 1984. XVI, 278, 109, 16 p.
- Sułkowska-Kurasiowa I., Wejchertowa J. Księgi poselskie (Libri Legationum) Metryki Koronnej // Archeion. 1968. T. 58. S. 61–73.
- Susigrąžinant praeitį: Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai / A. Dubonis, D. Antanavičius, R. Ragauskienė, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius, 2016. 287 p.

Urządnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy. Kórnik, 1994. T. 11. Urządnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba; Pod red. A. Gąsiorowskiego. 255 s.

References

- Amosov, A. A. Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo. Kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie [The Great Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. Comprehensive Codicological Research]. Moscow, 1998. 387 p.
- Ankhimuk, Yu. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov [Private Rank Books with Records for the Last Quarter of the 15th – Beginning of the 17th Centuries]. Moscow, 2005. 462, [1] p., [8] l. facs.
- Baliulis, A. Lietuvos Didžiosis Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės diplomatiniai santykiai XVI a. pabaigoje (Lietuvos Metrikos 594 knygos apžvalga). In *Lituanistica*. 2002. No. 3 (51). Pp. 3–32.
- Belyakov, A. V. "Poteryannyi" istochnik: Titulyarnik 1577 g. ["Lost" Source: Titular of 1577]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 6. Pp. 131–142. DOI 10.31857/S086956870012939-3
- Erusalimskii, K. Yu. Na sluzhbe korolya i Rechi Pospolitoi [In the Service to the King and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. 1012 p.
- Erusalimskii, K. Yu., Polekhov, S. V. Poslanie korolya Sigizmunda II Avgusta Ivanu Groznomu iz sobraniya Vil'nyusskogo universiteta (1568 g.): tekst i diplomaticheskii kontekst [The Letter of King Sigismund II Augustus to Ivan the Terrible from the Collection of the Vilnius University (1568): Text and Diplomatic Context]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 48–61. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.005
- Filyushkin, A. I. Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy. Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov [Inventing the First War of Russia and Europe. The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg, 2013. 845 p., [16] l. of coloured il.
- Florya, B. N. Voyna mezhdru Rossiei i Rech'yu Pospolitoi na zaklyuchitel'nom etape Livonskoi voiny i vnutrennyaya politika pravitel'stva Ivana IV [The War between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth at the Final Stage of the Livonian War and the Internal Policy of the Government of Ivan IV]. In *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya slavyano-germanskikh otnoshenii*. Moscow, 1973. Pp. 177–181.
- Florya, B. N. Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. 4th edition. Moscow, 2009. 439, [2] p., [16] l. of il, portr.
- Graża, H. Źródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. (Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów). In *Miscellanea Historico-Archivistica*. 1997. T. 7. S. 135–153.
- Grałya, I., Eskin, Yu. M. Predislovie [Preface]. In *Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy*. Moscow; Varshava, 2004. Vol. 7. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Pol'shei: (1575–1576 gg.). Compiled by L. V. Sobolev. Pp. 9–15.
- Janicki, M. A. Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. In *Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004*. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.
- Kennedy Grimsted, P. The "Lithuanian Metrica" in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including an Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanisław Ptaszycki. With the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa. Cambridge, Mass., 1984. XVI, 278, 109, 16 p.
- Kloss, B. M. Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [The Nikon Chronicle and Russian Chronicles of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1980. 312 p.
- Lur'e, Ya. S. Arkheograficheskii obzor. Poslaniya Ivana Groznogo Kurbskomu [Archaeographic Review. The Epistles of Ivan the Terrible to Kurbsky]. In *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. Text prepared by Ya. S. Lur'e, Yu. D. Rykov. Moscow, 1993. Pp. 315–351.
- Lur'e, Ya. S. Vtoroe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu (Kommentarii) [The Second Epistle of Ivan the Terrible to Kurbsky (Comments)]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2001. Vol. 11. Pp. 610–611.

- Padalinski, U. Valovichy u palitychnym zhyttsi VKL drugoi palovy XVI – pachatku XVII st. [Voloviches in the Political Life of the Grand Duchy of Lithuania in the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. In *Unus pro omnibus. Valovichy u gistoryi Vyalikaga knyastva Litouskaga XV–XVIII stst.* Minsk, 2014. Pp. 315–332.
- Petrov, K. V. Deloproizvodstvo Razryadnogo prikaza XVI–XVII vekov v ofitsial'nykh i chastnykh rukopisyakh. Issledovaniya i materialy [Office Work of the Ranking Chancery of the 16th – 17th Centuries in Official and Private Manuscripts. Research and Materials]. Moscow, 2018. 546, [2] p.
- Savva, V. I. Moskovskie tsari i vizantiiskie vasil'evsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei [The Moscow Tsars and the Byzantine Basileuses: On the Question of the Influence of Byzantium on the Formation of the Idea of the Tsarist Power of the Moscow Sovereigns]. Moscow, 2012. 254, [1] p.
- Sułkowska-Kurasiowa, I., Wejchertowa, J. Księgi poselskie (Libri Legationum) Metryki Koronnej. In *Archeion*. 1968. T. 58. S. 61–73.
- Susigrąžinant praeitį: Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai. A. Dubonis, D. Antanavičius, R. Ragauskienė, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius, 2016. 287 p.
- Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy. Kórnik, 1994. T. 11. Urzednicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy. Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba; Pod red. A. Gąsiorowskiego. 255 s.
- Zimin, A. A. V kanun groznykh potryasenii: Predposylki pervoi krest'yanskoi voyny v Rossii [On the Eve of Terrible Upheavals: Prerequisites of the First Peasant War in Russia]. Moscow, 1986. 331, [2] p.

Konstantin. Yu. Erusalimskiy
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN THE TERRIBLE AND STEFAN BATORY (1576–1584):
SOURCE EVIDENCE, HISTORICAL CONTEXT AND TEXTUAL CRITICISM OF THE LETTERS

The article examines the manuscript tradition of 115 diplomatic letters between the Russian State and the Polish-Lithuanian Commonwealth of the middle of 1576 – beginning of 1584. The textual study leads to the conclusion that major part of the correspondence needs reconstruction on the basis of the whole extant evidence including not only the ambassadorial copy-books of the Posolsky Prikaz and the Lithuanian Metrics, but also the 17th – 19th centuries collections, *silva rerum*, military service (Razriad) books, and separate copies from archival collections of Russia and Europe.

Keywords: Ivan IV, Stefan Batory, diplomatic correspondence, Russian State, Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita)